

УДК 930.1

DOI 10.17223/19988613/45/20

В.В. Миронов

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ АДАМА УОТСОНА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА В XX в.

Статья посвящена изучению вклада в формирование общей концепции Английской школы международных отношений известного дипломата и историка Адама Уотсона. Выделяются ключевые факторы биографии А. Уотсона. Анализируются две важные темы, которые волновали ученого: историческая социология международных отношений, обозначившая его научную принадлежность к Английской школе, и дипломатия в качестве института изучения международного общества. Последней теме были посвящены не только научные книги исследователя, но и тридцатилетний опыт работы в качестве дипломата. Специфика взглядов А. Уотсона демонстрируется на примерах изучения истории международных отношений XX в.

Ключевые слова: Адам Уотсон; Английская школа; Британский комитет по изучению внешней политики; международное общество; дипломатия.

Одной из центральных тем, поднятой Английской школой международных отношений, выступала проблематика макроисторического взгляда на историю международного общества. Хидеми Суганми называет эту линию изучения исторической социологией международных отношений [1. Р. 43]. Первые шаги в данном направлении были сделаны одним из основателей школы – Мартином Уайтом в 1960 г., который попытался сравнить три международных системы, существовавшие, по его мнению, в истории международных отношений. Он выделял греко-персидскую международную систему, систему воинствующих королевств в Китае и европейскую международную систему нового времени. М. Уайт попытался проанализировать отдельные характеристики указанных международных систем и сформулировать общие тенденции развития системы государств в истории [2. Р. 21–41]. В дальнейшем эту линию Английской школы продолжили работы А. Уотсона 1980-х гг., как и масштабное исследование Б. Бузана и Р. Литтла, опубликованное в конце XX – начале XXI в. [3]. Но если к последним двум исследователям внимание в современной науке только растет, то наследие Адама Уотсона, занимавшегося разработкой этой темы в течение двадцати лет, относительно редко попадает в поле зрения исследователей. Данная статья призвана способствовать устранению существующего пробела и через анализ специфики взглядов А. Уотсона на историю международной системы и дипломатию в качестве института международного общества реконструирует общую логику становления исторической социологии международных отношений в концепции Английской школы международной политики.

Джон Хью Адам Уотсон (1914–2006) родился на десятый день после начала Первой мировой войны – 10 августа 1914 г. Это обстоятельство повлияло и на судьбу, и на научные взгляды будущего ученого и дипломата. Образование он получил в королевском колледже Кембриджа. Стоит заметить, что почти все британские дипломаты в первой половине XX в. «рекрути-

ровались» из выпускников Оксфорда или Кембриджа. Его наставником по истории в студенческие годы был известный историк Герберт Баттерфилд.

В 1937 г. он поступает на дипломатическую службу и получает назначение на Балканы. Тогда данный регион не считался «пороховым погребом Европы», но важно, что первоначальные самостоятельные шаги в профессии Адам Уотсон делал именно внутри европейской дипломатической службы. Часто под особенностями дипломатии в целом он понимал особенности данного института в практике регулирования именно европейских отношений. Справедливости ради необходимо заметить, что за свою долгую тридцатилетнюю дипломатическую карьеру Уотсон поработал почти во всех частях света. В начале Второй мировой войны он получил назначение в Египет, а в конце войны – в СССР. Видимо, в это время он познакомился еще с одним человеком, сыгравшим важную роль в становлении его взглядов на политику и дипломатию, – младшим советником американского посольства в Москве Джорджем Кеннаном. Взгляды Уотсона на природу дипломатии во многом отражали реализм Кеннана.

Следующим местом службы за рубежом стало Британское посольство в Вашингтоне в начале 1950-х гг., откуда он был переведен на должность главы африканского департамента министерства по делам колоний. Заметим, что это изменение в его карьере совпало по времени с периодом, последовавшим за Суэцким кризисом – событием, ставшим знаковой точкой падения колониальной роли Великобритании. В 1960–1961 гг. он был британским послом в Мали, а в 1960–1962 гг. еще и послом в Сенегале, Мавритании и Того. Видимо, в то время английское государство экономило на дипломатических представительствах в «неприоритетных» странах. Но нельзя не отметить и того обстоятельства, что быть главой посольства в условиях распада колониальной империи, особенно в странах – бывших колониях, хотя и не всегда колониях Великобритании – отнюдь не самое лучшее и безопасное «предприятие». Следующее его назначение – диплома-

тическая служба в качестве посла на Кубе в 1963–1966 гг. – также было не легким для карьеры местом. После Карибского кризиса и в условиях разрыва дипломатических отношений Кубы с США Великобритании здесь был нужен опытный дипломат в качестве главы представительства, способный работать в кризисных ситуациях.

Опыт работы, как тогда говорили в «странах третьего мира», в кризисных ситуациях и в условиях, когда он был свидетелем процессов крушения позиций колониальных стран, способствовал началу его исследовательской деятельности. Уже в «африканский период» он пишет работу «Гегемония и история», впервые опубликованную после смерти ученого в 2007 г. Правда, некоторые фрагменты этой книги ученый сам включил в работу «Пределы независимости» [4. Р. 46–81]. Здесь он попытался рассуждать о месте небольших и средних стран в истории международных отношений после крушения колониальных режимов. Ключевой тезис работы состоял в слабости самостоятельной государственности новых государств в условиях отсутствия внешней поддержки.

В завершении своей дипломатической карьеры Уотсон работал в качестве советника в «Форин офисе» с 1966 до отставки в 1968 г. Причины его отставки не совсем понятны. Сам он ее не комментировал. Однако тогда ему не было шестидесяти лет – предельный возраст нахождения на службе по английским законам. Можно предположить, что 1968 г. для дипломатической службы Великобритании был завершением реформы дипломатического ведомства, когда Министерство иностранных дел, Министерство Содружества и Министерство по делам колоний были объединены в современный «Форин офис» и Уотсон по каким-то причинам не вошел в реорганизованную структуру нового министерства. В целом его карьера дипломата выглядит вполне респектабельной и удачной.

Научная стезя Адама Уотсона, связанная с Английской школой, начала формироваться в 1960-е гг. с участия в работе Британского комитета по изучению международной политики. Первоначально его пригласил в качестве эксперта и практика Г. Баттерфильд. Уотсон с интересом воспринял идею своего учителя и стал принимать активное участие в работе. Вскоре из эксперта он превратился в докладчика. А затем, после смерти Уайта, он стал третьим Председателем комитета, занимая эту должность с 1972 по 1978 г. По его собственным словам, он сделал это ради того, чтобы на время подменить Хедли Булла – еще одну знаковую для Английской школы фигур, – который тогда уехал на стажировку в США [5. Р. 2]. В 1973 г. Уотсон начинает и преподавательскую деятельность, согласившись на предложение того же Хедли Булла стать приглашенным лектором в Австралийском национальном университете. В 1970-е гг. он также работал в общественной организации в Париже, занимавшейся публикацией работ диссидентов из стран с репрессивными режимами.

В 1980–1990-е гг. выходят его работы, посвященные дипломатии и международному обществу. Определенную научную известность ему принесла публикация глав в «Экспансии международного сообщества», когда он стал восприниматься как фигура, равная Х. Буллу внутри школы. В 1990 гг. он получает должность в университете Вирджинии, где он и провел оставшуюся часть своей жизни.

Как отмечалось в газете «Телеграф» от 22 сентября 2007 г., в заметке, посвященной памяти ученого, он сумел соединить в своей работе практический опыт дипломата и научные идеи концепции международного общества; теорию и практику, которые и позволили ему сформулировать уникальное и комплексное видение важных международных институтов [6].

Основной вклад А. Уотсона в формирование Английской школы международных отношений видится в исследовании и проработке нескольких самостоятельных тем, способствовавших укоренению и развитию общей концепции международного общества. Среди них особенно выделяются две: первая – исторический анализ международных систем, который, как и работы Б. Бузана и Р. Литтла, утверждали внутри школы историческую социологию международной политики в качестве автономного раздела изучения; вторая – исследование дипломатии в качестве одного из институтов международного общества.

Обе отмеченные темы затрагивались в работах Баттерфильда, Уайта и Булла. Уайт хорошо поставил проблемы. Баттерфильд переоценивал роль дипломатии в качестве инструмента по поддержанию баланса сил. Булл живо интересовался изменениями в дипломатии во второй половине XX в. и на этом, по сути, частном историческом опыте судил о дипломатии как регуляторе международных отношений в целом. Исследования Уотсона на этом фоне выглядят глубокими и комплексными. В немалой степени этому способствовал его тридцатилетний опыт работы на дипломатическом поприще. Собственно говоря, он и пришел в науку как дипломат-практик, а интерес к указанным темам в известной степени также диктовался «практическими соображениями».

Он сам так писал об этом в предисловии к одной из своих книг: «Необходимо сконцентрироваться на двух важных вопросах, которые могут помочь дать ответ на дилеммы государственных деятелей по поводу управления международным обществом. Первый – какова природа дипломатического диалога, а второй – что в действительности было сделано для управления международным обществом после Второй мировой войны?» [7. Р. 10]. Характеризуя такую постановку проблемы в отношении дипломатии, необходимо отметить три важных момента.

Во-первых, в такой постановке проблемы Уотсон отталкивался от традиционных для политиков и ученых в Великобритании представлений о существовании дипломатии. Эта традиционная позиция была выражена в

работах Э. Сатоу, Г. Никольсона и нашла свое отражение в «Оксфордском словаре». Так, Эдвард Сатоу в своем знаменитом определении 1919 г. писал, что «дипломатия есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, включая иногда и их отношения с зависимыми странами» [8. Р. 1]. Гарольд Никольсон со ссылкой на определение Оксфордского словаря в 1930-е гг. полагал, что дипломатия есть «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками, работа и искусство дипломата» [9. С. 20].

Во всех этих случаях в дипломатии видели искусство переговоров между только лишь официальными представителями и только суверенных государств. Такой подход до середины XX в. позволял политикам и ученым разделять собственно внешнюю политику и дипломатическую деятельность. Хотя уже с первой трети XX в., с появления универсальных международных организаций, указанная позиция перестала отвечать реалиям международной жизни. Примечательно в этой связи определение, которым пользовался сам Адам Уотсон: «Переговоры между политическими образованиями, которые признают независимость друг друга, называют дипломатией» [7. Р. 33].

Сущность этого феномена он видит в том, что дипломатия представляет собой механизм, посредством которого осуществляется обмен контактами, правилами поведения и институтами между государствами [Ibid. Р. 14]. При таком подходе правомерность термина «английская традиция» уместна в отношении определения Адама Уотсона и в узком – как представителя Английской школы, и в широком смысле – как отражение общей британской традиции в понимании дипломатии как межгосударственного института.

Во-вторых, из постановки проблемы изначально просматривается его принадлежность к Английской школе. Задачи изучения дипломатии ученый видит в исследовании механизмов управления и функционирования международного общества. Сам он считал, что происхождением своей работы он обязан Британскому комитету по международной политике [Ibid. Р. 12]. Баттерфильд кооптировал своего бывшего кембриджского студента в работу семинара, где Уотсон стал одним из разработчиков общей концепции. Более того, он считал, что «в условиях развития международного общества дипломатия становится больше, чем просто инструментом коммуникации и сделок». Этим и было продиктовано желание функционального изучения указанного института. Поэтому изначальный традиционный интерес к историческому осмыслению дипломатии был соединен с концепцией международного общества.

В-третьих, интерес к дипломатии в том виде, в каком представлял себе данный институт Уотсон, был обусловлен личным психологическим фактором, который без труда можно обнаружить на страницах его ра-

бот. Точкой отсчета для анализа дипломатии для ученого послужила Первая мировая война. Этот опыт он вынес из детства. Он считал данную войну знаковым и рубежным событием: называл ее незабываемой травмой для европейского общества [Ibid. Р. 10]. Причинами катастрофы он стал интересоваться еще в межвоенный период и считал, что это был провал дипломатического диалога между странами. После Второй мировой войны знакомства с Гербертом Баттерфильдом в Великобритании и Джорджем Кеннаном в США убедили Уотсона в том, что другие рубежные события, как то Вторая мировая война, холодная война и гонка вооружений в условиях угрозы применения ядерного оружия – всего лишь отголоски крушения системы дипломатических институтов. Первая мировая война ознаменовала собой разрушение международного общества и начало периода заката уникальной европейской цивилизации, чьими усилиями поддерживалась международная система на всем протяжении XIX в.

Собственно, нет ничего удивительного в том, что дипломат-практик, пытаясь определить место и роль дипломатии в международном обществе, переоценивал значение данного института. Он полагал, что альтернатив дипломатии в мире во второй половине XX в. не много, а те, которые имеются, – часто нереализуемы. Так, например, он считал, что альтернативой дипломатии выступает хаос и ничем не регулируемые контакты между государствами. По сути, это мир Т. Гоббса с его «войной всех против всех», но, в отличие от американских реалистов, которые считали хаос движущей силой международных систем, Уотсон находил международную анархию в ядерный век невозможной.

Другая альтернатива дипломатии ему виделась в возникновении мирового правительства – проект довольно «популярный» среди ученых в 1970-е гг. Уотсон также рассуждал об этой возможности и полагал, что гипотетически существуют две модели эволюции в указанном направлении: новая мировая империя – проект, который он считал реализуемым только в отношении части мира; и создание целенаправленными усилиями международной федерации. Как историк он не верил в возможность существования новой мировой империи в долгосрочной перспективе. Его собственный опыт изучения истории международных отношений к такому выводу не предрасполагал, а мировое правительство в форме федерации требовало бы отказа государств от суверенитета, в чем он искренне сомневался как дипломат-практик. Нельзя не отметить, что в дальнейшем эволюция так называемого скандинавского проекта мирового правительства привела к идее создания организации, лишь функционально сопоставимой с мировым правительством, но не упраздняющей власть суверенных государств. В целом таким институтом ООН он не рассматривал, считая дипломатию предметом традиционных межгосударственных отношений, а не международных организаций. Но даже и при таком сценарии эволюции модели мира роль дипломатии со временем только бы росла.

Как мыслитель, не исключая случайность в социальных вопросах, Адам Уотсон предполагал возможность формирования некоего принципиально нового регулятора международных отношений. Это то, что, вслед за Х. Буллом, представители Английской школы стали называть «новым средневековьем» – рождением новой формы отношений между акторами в условиях роста взаимозависимости в мире и укрепления роли негосударственных участников международного взаимодействия. Такой сценарий нельзя было просчитать, как невозможно было представить феодализм в античной Греции. Однако отмирание дипломатии и в этом случае было бы маловероятным.

В основе собственной исторической социологии международных отношений Адама Уотсона находились идеи, которые активно обсуждались в Британском комитете в 1960–1970-х гг. И в первую очередь, это идея системы государств, которая была сформулирована Уайтом, отчасти развивалась Буллом и присутствовала у Баттерфильда. Для Уотсона последний из участников проекта оставался самым авторитетным членом данного семинара. В январе 1965 г. Баттерфильд выступил с оставшимся неопубликованным докладом «Историческая система государств», где как председатель комитета он суммировал и углубил дискуссии участников о функциях и природе международной системы. Текст доклада находится в библиотеке Королевского института международных отношений в Честере Хаусе [10. Р. 5].

Вряд ли в данном случае имеет смысл останавливаться на вопросе, кто из ученых сформулировал понятие системы государств для школы первым, хотя, скорее всего, это был Мартин Уайт. Здесь важен источник происхождения термина, как и то, какой смысл вкладывали в это понятие различные представители школы. Источником послужили работы немецких историков Геттингена XIX в. и, в первую очередь, книги Арнольда Германа Людвига Геерена (1760–1842). Это свидетельствует о европейских корнях системности в появлении термина в Английской школе. Содержание данного понятия, благодаря обсуждению в Комитете, со временем приобрело общий смысл. Уотсон в одной из работ дал такое определение: «Когда группа государств взаимосвязана между собой так, что без учета интересов одного из участников можно говорить о потере независимости других» [7. Р. 15].

Это определение очень близко к определению Х. Булла, который рассуждал о системе как о ситуации, где каждый из участников вынужден был принимать в расчет интересы других государств. Как и Уайт, Уотсон не считал европейскую систему государств – единственной международной системой, существовавшей в истории. Как и Уайт, Уотсон считал, что общность культуры и религиозное единство способны выступать системообразующим фактором.

Новизна подхода Адама Уотсона состояла в сравнении различных систем сквозь призму общих историко-

социологических понятий. Он считал, что система формируется из двух противоположных тенденций в развитии государства. Первая тенденция – тенденция к независимости от других стран, вторая – стремление подчинить своим интересам интересы других. Первая тенденция в абсолюте означает торжество анархии в международных отношениях, вторая – стремление к созданию империи как типа универсальной власти. Обе тенденции – это идеальные модели, между которыми находится спектр различных промежуточных состояний. Тогда полезной метафорой для обозначения истории международных отношений как процесса развития между двумя данными полюсами выступает маятник, в амплитуде движения которого и находится понятие «система государств». Такое представление и стало основой концептуализации исторического развития международного общества.

В истории международных отношений XX в. ученый обращал внимание не столько на наличие двух устойчивых систем в международных отношениях – Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской, сколько на процесс становления современного глобального общества. Он делает акцент не на разрывах в эпохах, а на разных этапах становления глобального международного общества. В этой связи исследователь выделяет четыре основных периода в истории международных отношений XX в.:

- 1) разрушение европейского общества государств в ходе Первой мировой войны;
- 2) двадцатилетний период действия Версальского договора и Лиги Наций;
- 3) реорганизация международного порядка после Второй мировой войны;
- 4) деколонизация и появление нового глобального общества [10. Р. 278].

Разрушение европейского международного общества в начале XX в. Адам Уотсон считает комплексным событием. Главную роль в этом процессе, по его мнению, сыграл рост германской силы. Тройственный союз с участием Германии сумел объединить ведущие страны Центральной и Восточной Европы. Аналогичным образом и японский милитаризм не находил себе места в международных отношениях, сформированных под воздействием европейской экспансии. Объективно Германия, Япония, США и Россия выступали ведущими державами международного общества XX в. Послевоенное разделение Германии и ослабление стратегической роли Японии, ученый считал временными явлениями. В этом контексте даже дезинтеграция СССР представлялась ему предпосылкой к реставрации идеи «нового международного концерта», только не в европейском, а в мировом масштабе. В такой оценке проявлялся кульминационный характер влияния европейской системы на международные отношения в мировом масштабе. Хотя, как дипломат и современник событий, Уотсон не исключал и временное лидерство США в мире [Ibid. Р. 302–303].

Примечательно, таким образом, что в истории XX в. ученый видит преемственность, а не разрывы; мировой концерт, а не сверхдержавность. С позиций эволюции международного общества не разделял он и идеи полярности мира. Такой подход был обусловлен особой ролью, которую сыграла Первая мировая война в судьбах представителей первых поколений Английской школы. Уайт видел в ней истоки упадка европейского доминирования; Баттерфильд – точку разрыва между новой и исторической дипломатией. Взгляд Уотсона, в сравнении с Баттерфильдом, был более оптимистичным. Он стремился выделить относительно устойчивые и прогрессивные черты-тенденции в современном международном обществе.

Так, Версальские договоренности исследователь считает первым актом регулирования международных отношений в мировом масштабе, а Лига Наций была тем институтом, которая прекратила практику «рассеянной гегемонии» Европы. Он не был склонен не замечать недостатков Лиги, но обращал внимание на три важных аспекта ее деятельности, которые не потеряли своего значения и в настоящее время:

1) Универсальность Лиги Наций. Она впервые признавала все государства независимыми. При этом большая их часть находилась за пределами Европы [10. Р. 284]. Следствием этого подхода было то, что в XX в. все государства стали участниками системы государств, а не только самые развитые, цивилизованные.

2) Лига Наций стала местом постоянных встреч, которые давали небольшим и средним странам право и возможность участия в решении наиболее важных международных проблем. Это увеличивало легитимность международного общества. В данном отношении ООН выступает лишь правопреемником Лиги Наций.

3) Деятельность Лиги была сопряжена с попыткой создания системы коллективной безопасности, которая в условиях роста количества стран должна была обеспечить расширение баланса сил – основного института управления в международном обществе [Ibid. Р. 284–285].

Думается, что в последнем случае Уотсон не совсем прав, отождествляя механизм баланса сил и действия Лиги Наций. Здесь проявляется различие между английским и американским подходами к пониманию коллективной безопасности. Для Вудро Вильсона основным назначением Лиги была попытка уйти от системы частных военных альянсов, которые, по его мнению, привели к развязыванию Первой мировой войны. Как минимум военное планирование должно было быть поставлено под контроль международного права в рамках Лиги Наций. Британская научная традиция настаивала на первичности баланса сил, как систематизирующем институте международного общества, который должен был быть адаптирован к росту количества участников международного взаимодействия.

Главный недостаток этой модели ученый видел в игнорировании интересов наиболее влиятельных для

XX в. стран – Германии и Японии, которые объективно были заинтересованы в пересмотре Версальско-Вашингтонских решений. В целом попытки создания новых империй со стороны указанных государств в XX в., Уотсон считает эфемерными. И та и другая державы в лучшем случае могли рассчитывать на региональную гегемонию. Однако слабость и чрезмерное миролюбие демократий в лице Франции и Великобритании привели к попустительству в отношении агрессии. В этих условиях, полагал дипломат, лишь СССР эффективно отстаивал свои интересы в межвоенный период [Ibid. Р. 284]. В этом вопросе он полагался не на международные организации, но на свои интересы в условиях, когда баланс сил не срабатывал.

Международный порядок второй половины XX в., по мнению А. Уотсона, характеризуется следующими наиболее важными чертами.

Во-первых, биполярной структурой мира, где ООН стала в значительной степени формальной структурой [Ibid. Р. 288]. Организация, конечно, выступала преемницей ценностей европейского общества, что нашло выражение в структуре Совета безопасности. По мысли ученого, в нем воплотилась система европейского концерта XIX в., адаптированная к реалиям XX в. в виде состава участников, имеющих право вето. Право вето и постоянного членства в Совете – это своего рода механизмы доверия в отношениях между великими державами.

Во-вторых, Уотсон пишет о биполярности общества, а не только власти. В советско-американских отношениях проявилось не только столкновение внешнеполитических интересов государств, но и ценностей общества. Применительно к США он говорит о ценностях демократии, верховенстве права, деколонизации, «открытых дверях», которые американское общество находило универсальными. Советские представления о справедливом порядке отталкивались от геополитики и имперского прошлого в том виде, в каком их понимало партийное руководство [Ibid. Р. 291]. Здесь чувствуется личное знакомство с Джорджем Кеннаном в период дипломатической работы в СССР. Победа коммунистов в Китае, становление просоветских режимов в странах Восточной Европы рассматривались равным образом как ценности и интересы советской внешней политики. Поэтому и холодная война привела к формированию глобальной конфронтации и перешла на общественный уровень.

В-третьих, международный порядок второй половины XX в. характеризует ядерный фактор, попытки установления контроля над которым дали временный результат и, в целом, оказались неэффективны. Этот фактор способствовал растягиванию холодной войны на четыре десятилетия.

Четвертой важной чертой международных отношений указанного периода выступает деколонизация, которая способствовала становлению нового глобального общества. Данный процесс выступал показателем

упадка силы Европы в международном обществе. Если раньше европейские страны брали на себя обязательства действовать в качестве «опекунов» в отношении «слабых» народов, то после Первой мировой войны система подмандатного управления нашла свое закрепление в рамках Лиги Наций, а затем – в системе опеки ООН [10. Р. 294]. Это повышало международную легитимность сложившейся системы управления, но не способствовало сохранению колониальных режимов.

При этом даже крушение колониальной системы бывший дипломат изображает едва ли не как заслугу самих колонизаторов. Так, решающим шагом в распаде системы он считает хорошо подготовленный вывод английских войск из Индии [Ibid. Р. 296]. Это предотвратило масштабный кризис в регионе и показало общее направление развития мира. Не упускает он и возможности лишний раз упомянуть, что стандарты и ценности европейской цивилизации во многом сыграли системообразующую роль в формировании новой независимой государственности в период крушения колониализма. Такой подход впоследствии Б. Бузан и Р. Литтл называли классическим в оценке колониального взаимодействия, что подразумевало встречу двух культур с взаимной пользой [11. Р. 60–63]. Для многих представителей Английской школы такой подход был характерен в 1960–1980 гг. и отражал недостаток в оценке вклада Европы в международные отношения той эпохи.

Современная международная система в целом при таких характеристиках выступает как наследник прошлой европейской системы государств, но в модернизированном виде. В экономическом и социальном отношении мир представляется ученому более интегрированным, хотя в отношении политическом он становился все более разобщенным. Разделение мира, к моменту написания книги, на 180 стран изменило классические ценности суверенитета в международной политике. Даже страны, которые де Голль называл «пылью империй», получили независимость и право голоса в ООН. Иначе говоря, в современной глобальной системе государств образовалось противоречие между экономической и социальной интеграцией, с одной стороны, и политическим и культурным многообразием – с другой. Такая ситуация, по мысли ученого, создавала возможность движения международной системы в направлении новой гегемонии. Маятник исторического развития стал двигаться в обратном направлении, испытывая систему государств в очередной раз на прочность.

Нельзя не отметить при оценке исторической социологии А. Уотсона того обстоятельства, что в рамках макроисторического опыта осмысления разноплановых проблем концепция международного общества сумела стать широкой теоретико-методологической основой для описания и анализа самых разноплановых сюжетов истории международных отношений и внешней политики отдельных стран. Вопросы колониального прошлого и проблемы деколонизации многими школами

международной теории вообще не поднимались. А дискурс, примененный Адамом Уотсоном для изучения, хотя и представляется социологическим упрощением сложной и многоплановой исторической проблемы, был понятен многим европейцам. Дальнейшая разработка указанной темы представителями школы привела к анализу очень широкого и важного вопроса о соотношении международного порядка и справедливости в международных отношениях. Это так же контрастировало с американской теоретической традицией, концентрировавшейся на национальных интересах и прикладных аспектах политики.

То обстоятельство, что последние годы жизни Уотсон жил и работал в США, свидетельствует о том, что дипломат сумел донести свою систему взглядов на историю и дипломатию по другую сторону Атлантики. Историческая социология выводила изучение международной политики из традиционного поля предмета внутри конституционного права и политической истории, заставляя отойти историков от концентрации внимания на дипломатических источниках. Концепция международного общества в этом отношении способствовала автономизации предмета изучения истории и становлению самостоятельного историко-социологического подхода к международным отношениям.

Хотя Адам Уотсон и был первоначальным участником Британского комитета по международной политике, его работы, посвященные исторической социологии международных отношений и дипломатии как институту международного общества, были завершены в 1980–1990-е гг. Кропотливый и масштабный характер работы, которую он делал в рамках Английской школы, не позволял ему завершить свой труд в течение формообразующего для школы периода 1960–1970-х гг. Кроме того, в своих оценках экспансии и общем понимании проблематики международного общества он шел вслед за идеями Х. Булла, что несколько заслонило его вклад в формирование Английской школы.

В целом творческое наследие А. Уотсона по указанным проблемам представляется важным и необходимым этапом в развитии одной из центральных тем Английской школы международных отношений. Работы А. Уотсона – это самостоятельный и закономерный шаг в развитии одного из кластеров концепции международного общества. Нивелирование его вклада в историю внутреннего развития школы создает брешь между работами М. Уайта и современными исследованиями Б. Бузана и Р. Литтла. А. Уотсон способствовал укоренению в школе исторического и компаративного измерения международной политики, которую сегодня принято называть исторической социологией международных отношений. Как и его работы, посвященные дипломатии, историко-социологические аспекты изучения международных отношений демонстрируют развитие общего концептуального подхода Английской школы в 1960–1990-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Linklater A., Suganami H. *The English School of International Relations. A Contemporary Reassessments*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 302 p.
2. Wight Martin. *De systematibus civitatum // System of State* / ed. by H. Bull. Leicester : Leicester University Press, 1977. P. 21–41.
3. Buzan B., Little R. *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 452 p.
4. Watson A. *The limits of Independence. Relatives between states in the Modern world*. L. ; N.-Y., 1997. 160 p.
5. Watson A. *The British Committee for the Theory of International Politics*. 1998. November // Electronic Resource. URL: <http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf>, free (access data: 22.04.2014).
6. *The Telegraph* 12:01AM BST 28 Sep 2007 // Electronic Resource. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1564415/Professor-Adam-Watson.html>, free.
7. Watson A. *Diplomacy. The Dialogue between States*. L. : Eyre Methuen, 1982. 239 p.
8. Satow E. *A Guide to the Diplomatic Practice*. Third edition. L. : Longman, 1932. 519 p.
9. Никольсон Г. *Дипломатия*. М., 1941. 153 с.
10. Watson A. *The Evolution of International Society. A Comparative historical analysis*. London ; N.Y., 1992. 337 p.
11. Buzan B., Little R. *The Historical Expansion of International Society // Guide to the English School in International Studies* / ed. by C. Navari and D. Green. Oxford : Wiley Blackwell, 2014. P. 59–75.

Mironov Victor V. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: vvm_512@rambler.ru

HISTORICAL SOCIOLOGY BY ADAM WATSON AND THE PROBLEMS OF THE STUDY HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE XX CENTURY.

Keywords: Adam Watson; English school; theory of international relations; British Committee for the Theory of International Politics; International Society.

This article is devoted to English historian and diplomat Adam Watson (1914–2006) and his role in the making of the conception of international society. The aim of the article is to demonstrate the specific two main themes in his views as a historian: historical sociology and diplomacy in the XX century. Three main tasks studied in the article are the following. 1. Diplomacy as institute in modern international society. 2. Historical sociology as the part of schools theory. 3. The keys factors of his biography, which explain his scientific views. The sources for the article were the works by Adam Watson, which had been published in the 1980–2000 and other texts of English school authors. As a result of the study we came to the conclusions: 1. Watson was one of the main figures in English school of International relations. He was a member of British Committee for the Theory of International Politics from the beginning of its activities in 1959. He was invited in this project by famous English historian Herbert Butterfield as an expert and diplomat. But soon after that he had taken an active part in the work of Committee as scientist and then in 1972–1978 he was a chief of the Committee. 2. He was born on the tenth day after the First World War began. This war was the borderline event for the many historians and diplomats. Herbert Butterfield considered that the War divided history of diplomacy on old and new. Watson agreed with such opinions, but in his works he said about growing role of diplomacy in history of international society in XX century. Like Headley Bull – other famous person of English school of International relations, he saw in diplomacy one of the main institute for international order in the XX century. He said that two World Wars in the XX century did not prove crisis of diplomacy, but only demonstrated new needs in international order. So he said that exceptions of Germany and Japan from Great powers in international relations after the World War II were mistakes for stability of contemporary global society. Diplomacy was one of the central issues of his scientific heritage at the English school. 3. In the British Committee for the Theory of International Politics he researched issue of historical evolution of international society. He believed that in history there were different systems of international relations. He had studied ancient, medieval systems and modern international society nearly 20 years and considered that its history demonstrated movement between the empire and anarchy. At center of this pendulum he founded the concept of international society. From his point of view such sociological ideas explained key processes in the international history of XX century. 4. A. Watson noted four key periods in the history of international society in XX century: Failing of European International Society during World War I; Twenty years period between the World Wars. It was the time of Versailles Settlements and League of Nations activities; Reorganization of International Order after the World War II. Decolonization and the appearance of a new global international society. Thus historical sociology by Adam Watson explains different process in international relations through the evolution conception of international society.

REFERENCES

1. Linklater, A. & Suganami, H. (2006) *The English School of International Relations. A Contemporary Reassessments*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Wight, M. (1977) *De systematibus civitatum*. In: Bull, H. (ed.) *System of State*. Leicester: Leicester University Press. pp. 21–41.
3. Buzan, B. & Little, R. (2000) *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
4. Watson, A. (1997) *The limits of Independence. Relatives between states in the Modern world*. London; New York: Routledge.
5. Watson, A. (1998) *The British Committee for the Theory of International Politics*. [Online] Available from: <http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf>. (Accessed: 22nd April 2014).
6. *The Telegraph*. (2007) Professor Adam Watson. Obituary. 28th September. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1564415/Professor-Adam-Watson.html>.
7. Watson, A. (1982) *Diplomacy. The Dialogue between States*. London: Eyre Methuen.
8. Satow, E. (1932) *A Guide to the Diplomatic Practice*. 3rd ed. London: Longman.
9. Nicholson, H. (1941) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English by L.A. Gashkel. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, Geografiz.
10. Watson, A. (1992) *The Evolution of International Society. A Comparative historical analysis*. London, New York: Routledge.
11. Buzan, B. & Little, R. (2014) The Historical expansion of International Society. In: Navari, C. & Green, D. (eds) *Guide to the English School in International Studies*. Oxford: Wiley Blackwell. pp. 59–75.